

ДОЛГОВРЕМЕННЫЕ ЦИКЛЫ В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ

Ю. Ф. Чистяков

В статье рассматриваются циклические процессы в развитии продовольственной внешней торговли России, СССР и стран постсоветского пространства. Также описаны различные виды циклов в развитии аграрного производства и их связь с развитием экономики. С использованием методов клиометрики проанализированы изменения динамики и структуры продовольственного экспорта и импорта страны за обширный исторический период и выделены долговременные этапы взаимодействия аграрного сектора России и мирового продовольственного рынка. Определены три крупных периода взаимодействия, длительностью 40–50 лет, начало которых приходится на нисходящую фазу очередного «большого цикла конъюнктуры» Н.Д. Кондратьева. В социально-экономическом плане показана взаимосвязь между этими периодами и циклами Н.Д. Кондратьева. Выделенные периоды характеризуются различными объемами и соотношением продовольственного экспорта и импорта. Сделан вывод о начале в настоящее время нового, четвертого, этапа такого взаимодействия. Полученные результаты имеют значение для долговременного прогнозирования развития аграрного сектора постсоветского пространства и формирования основных направлений сельскохозяйственной политики России.

Ключевые слова: экономические циклы, цикличность, сельское хозяйство, аграрный сектор, продовольственная внешняя торговля

Продовольственные внешнеэкономические связи на протяжении длительного исторического периода являются важной составляющей внешней торговли Российской империи, СССР, современной России и стран постсоветского пространства. Соотношение экспорта и импорта в этих связях в разные времена было различным. Различалась и товарная структура ввоза и вывоза. Мегатенденции развития продовольственного

экспорта и импорта территории России и бывших союзных республик возможно проанализировать, используя концепцию «больших циклов конъюнктуры», выдвинутую Н.Д. Кондратьевым. Использование теорий экономической цикличности в исследовании таких длительных тенденций может дать возможность для последующего долговременного прогнозирования развития продовольственной внешней торговли России.

1. Теории долговременных экономических циклов

Существенную роль в общем массиве различных экономических теорий, особенно классического и неоклассического направления, играют концепции, предполагающие цикличность развития различных уровней экономических систем и отраслей экономики. Формирование парадигмы цикличности в экономической теории было обусловлено как эмпирическими исследованиями, которые показывали наличие циклических процессов в функционировании различных секторов реальной экономики, так и становлением теоретических представлений о закономерностях экономического развития. Дополнительным источником развития различных концепций циклов в экономической теории являлись практические потребности в долговременном прогнозировании и осмыслении развития экономики и ее отраслей. Такие концепции давали определенный инструментарий для прогнозирования.

Развитию теории долговременных экономических циклов предшествовали разработки концепций более короткопериодичной экономической цикличности.

В 1882 г. У.С. Джевонс в работе «Исследование денежного обращения и финансов» [30] выделил 30-летние периоды роста и падения цен. Французский экономист К. Жугляр в работе «Торговые кризисы и их периодическое возвращение во Франции, Англии и Соединенных Штатах Америки» (1862) [32] выделил короткопериодические колебания производственно-экономической активности, равные 7–10 годам.

В статье «Циклы и тренды в экономических факторах», опубликованной в журнале *The Review of Economics and Statistics* в 1923 г. [33], Дж. Китчин описал краткосрочные финансово-экономические циклы длительностью 3–4 года. В 1930 г. С. Кузнец в своей работе «Вторичные движения производства и цен. Их природа и отношение к циклическим колебаниям экономики» [34], проанализировав динамику оптовых цен в XIX — начале XX века, выделил циклические колебания с периодом 15–25 лет. В настоящее время эти колебания понимаются как циклы строительства и восстановления жилья [9, с. 160]. Также они рассматриваются в качестве технологических, инфраструктурных циклов [29].

Вышеперечисленные цикличности были выделены исследователями при анализе динамических изменений длинных статистических

рядов различных экономических показателей. Исходя из подобного анализа различных статистических показателей, еще в начале XX века ряд исследователей поставили вопрос о существовании более длительных экономических циклов.

Х. Мур, проанализировав динамику цен за 96 лет, предположил наличие больших циклов продолжительностью 48 лет [37]. Дж. Лескюр предположил существование больших циклов, анализируя статистику товарных цен, заработной платы, процента на капитал и ренты за период второй половины XIX века [36]. Предположения о длительных колебаниях экономики при анализе различных видов статистики XIX века высказывали также А. Афталион [27], У. Лейтон [35], А. Шпитгоф [38].

Выявил долгопериодические циклы колебаний экономики и предложил механизм их формирования выдающийся российский и советский экономист Н.Д. Кондратьев (1892–1938) в своей теории «больших циклов конъюнктуры». Основные положения этой теории изложены в ряде публикаций исследователя, в том числе: «Мировое хозяйство во время и после войны» (1922), «Большие циклы конъюнктуры» (1925), «Большие циклы экономической конъюнктуры» (1926), «Динамика цен промышленных и сельскохозяйственных товаров» (1928). Н.Д. Кондратьев обработал большой массив статистических данных по Германии, Франции, Англии, США за период с начала XIX по 20-е годы XX века о конъюнктуре в различных секторах хозяйства.

В результате исследования были выявлены циклы колебаний экономики периодичностью около 50 лет, состоявшие из восходящей и нисходящей фаз. Н.Д. Кондратьев выявил также границы этих циклов и эмпирически выявил несколько закономерностей развития больших циклов. Длинные волны, по мнению исследователя, обладают следующими чертами: цикличностью, правильностью повторения (колебания продолжительности циклов Жугляра составляют до 57 % продолжительности, а циклов Кондратьева — всего 25 %), солидарностью и одновременностью колебания различных элементов экономической жизни, проявляются в международном масштабе (см. [6, с. 61]).

При всей своей исторической и теоретической ограниченности (с позиций сегодняшнего дня) эта теория вызвала большой резонанс в экономической науке и породила большое количество исследований в области экономической цикличности.

Длинные циклы Н. Д. Кондратьева и их фазы

Номер цикла	Фаза цикла	Годы начала	Годы конца
I	А: восходящая	Кон. 1780-х — нач. 1790-х	1810–1817
	В: нисходящая	1810–1817	1844–1851
II	А: восходящая	1844–1851	1870–1875
	В: нисходящая	1870–1875	1890–1896
III	А: восходящая	1890–1896	1914–1928/29
	В: нисходящая	1914–1928/29	1939–1950
IV	А: восходящая	1939–1950	1968–1974
	В: нисходящая	1968–1974	1984–1991
V	А: восходящая	1984–1991	2005–2008 ?
	В: нисходящая	2005–2008 ?	?

Источники: [6, с. 45; 8, с. 61].

В последующий период авторы исследований, посвященных циклам Кондратьева, рассматривали как общие вопросы экономической цикличности, хронологию длинных волн, их воздействие на развитие экономики и общества, методику выявления долгопериодических циклов, так и различные причины, движущие силы «больших циклов конъюнктуры» (подробно об этом см. [12]).

После Н. Д. Кондратьева значительное количество авторов обращались к вопросу о хронологии долгопериодических циклов в развитии экономики для периода после Первой мировой войны, в середине и в конце XX века. В настоящее время хронологические рамки этих циклов, выявленные Н. Д. Кондратьевым и его последователями, выглядят следующим образом (табл. 1).

В посткондратьевский период произошли изменения в методологии выявления длинных волн. В частности, это связано с тем, что его методика обнаружения циклов, особенно в производственной динамике, была подвергнута критике различными исследователями. Как отмечают А. В. Коротаев и Л. Е. Гринин, «...наиболее серьезные методологические критические замечания были направлены против использования Кондратьевым кривых тренда...когда Кондратьев удалял из эмпирических данных тренд, ему не удавалось убедительно объяснить, что стоит за этим трендом...Уравнения, которые Кондратьев использовал для описания этих кривых долгосрочных трендов... включают очень сложные (зачастую кубические) функции. Это заставляет сомневаться в теоретической значимости и методологической неизбежности выявляемых в результате длинных волн» [8, с. 68–69].

В связи с этим методические приемы, используемые исследователями для выявления

циклов Кондратьева, значительно дифференцировались, в частности, для выявления этих циклов в современных статистических временных рядах использовался спектральный анализ (см. [8, с. 69–70]).

В последние годы ряд исследователей выдвигают гипотезы о существовании еще более продолжительных, чем циклы Н. Д. Кондратьева, долгопериодических колебаний экономики. В частности, Ч. Фриман, С. Ю. Глазьев, В. И. Маевский, Дж. Арриги, В. М. Полтерович считают, что полное развитие (от зарождения до исчезновения) технологического уклада или двух связанных друг с другом укладов составляет 100–120 лет или 2 цикла Кондратьева. Дж. Арриги писал о «системных циклах накопления», длящихся 100–150 лет [1]. В. И. Маевский считает, что в экономике в каждый конкретный момент времени действуют несколько технологических укладов со сроком жизни 100–150 лет [11].

Охарактеризовав общеэкономическую цикличность, перейдем теперь к рассмотрению цикличности в аграрном секторе.

2. Циклы в развитии сельскохозяйственной отрасли

Рассмотрим некоторые эмпирические концепции, связанные с цикличностью развития и функционирования различных составляющих аграрной сферы. Прежде всего, речь идет о сельскохозяйственном производстве.

В силу своих особенностей аграрное производство связано с природно-климатической цикличностью. Для отраслей растениеводства и частично для животноводства это, прежде всего, годовой цикл, что находит отражение в сельскохозяйственном годе (1 июля — 31 июня следующего года). Исследователи выделяют и более длительные циклы, связанные с природно-климатическими изменениями.

У.С. Джевонс в 1862 г. писал о влиянии солнечной активности на урожаи сельскохозяйственных культур. По его мнению, годы повышенной солнечной активности приводят к неурожаям в сельском хозяйстве, что порождает кризисные явления в этом секторе экономики [31].

Еще русский статистик В.Г. Михайловский в 20-х годах XX века выявил 8-летнюю периодичность динамики урожаев в России. В эти периоды неурожайные годы, по его мнению, чередовались с урожайными в определенной последовательности [13, с. 2–4]. Ряд исследователей связывают колебания сельскохозяйственного производства с колебаниями солнечной активности. В частности, Ю.И. Трубицин и А.П. Потапов считают, что колебания урожайности зерновых в России связаны с этим фактором. Исследователи пишут: «...анализ циклодинамики фактических значений урожайности зерновых культур по России и ее регионам за более чем полувековой (1953–2004 гг.) период, свидетельствует о связях 3-х, 11-ти и 22-летних циклов солнечной активности с критическими значениями урожайности...» [20, с. 18]. По их мнению, «...наряду с общей повышательной тенденцией урожайности зерновых в целом, наиболее зримо прослеживаются трех- и одиннадцатилетние циклы (9–14 лет) влияния экстремально неблагоприятных природно-климатических процессов на нижние и верхние пределы уровня урожайности... колебательные циклы уровня урожайности зерновых происходят регулярно, независимо от всех применяемых достижений аграрной науки и практики» [20, с. 19]. В результате анализа динамического ряда показателей урожайности зерновых культур в РФ в 1953 — 2003 гг. авторы пришли к выводу о том, что «...в годы, близкие к максимуму и минимуму солнечной активности, ... наблюдаются определенные флуктуации урожайности. В частности, «всплеск» урожайности в 1978 и 1990 гг. соответствовал пику солнечной активности 1978 и 1989 гг. Низкая урожайность в 1975... совпала с низкой солнечной активностью» [20, с. 24].

Для социально-экономического уровня сельскохозяйственной отрасли наиболее известным видом циклов являются «большие циклы конъюнктуры», открытые Н.Д. Кондратьевым. Социально-экономическая цикличность сельского хозяйства имеет свою специфику.

Как писал Кондратьев в 1923 г., «если хлебный рынок и вообще сельскохозяйственный рынок не поддается или поддается очень слабо и частично тем кратковременным колебаниям

конъюнктуры, которые связаны с промышленным циклом (7–11 лет), то он поддается колебаниям больших циклов (40–50 лет). Этим большим циклам подвержены как сель[ско]хоз [яйственный], так и промышленный рынок» [7, с. 210].

Однако проявление «больших циклов конъюнктуры» в аграрном секторе имеет свои особенности. Прежде всего, это касается нисходящей фазы такого цикла. Как писал Н.Д. Кондратьев, «...по крайней мере, в первый период большой понижительной волны сельское хозяйство испытывает более глубокую депрессию, сельскохозяйственные товары сильнее падают в цене, и их покупательная сила относительно понижается» [5, с. 394].

Используя концепцию «больших циклов конъюнктуры», современные исследователи В.Г. Растянников и И.В. Дерюгина проанализировали закономерности социально-экономического развития сельского хозяйства России в XIX–XX веках. В работе «Урожайность хлебов в России 1795–2007» за указанный период изучалась динамика изменений урожайности зерновых. При этом показатель урожайности авторами понимался как комплексный социально-экономический индикатор, свидетельствующий не только о технико-экономическом уровне сельскохозяйственного производства, но и об успешности или неуспешности экономических и аграрных реформ, о взаимодействии страны с мировым рынком. На этот показатель влияли также различные политические изменения, революции и реформы [17, с. 9].

Комментируя анализ динамики урожайности зерновых в России с конца XVIII до начала XXI века, В.Г. Растянников и И.В. Дерюгина пишут: «Изучая циклическую неравномерность урожайности зерновых в России (по... методике Н.Д. Кондратьева) на протяжении 212 лет, можно выявить четыре полных «больших цикла» урожайности зерновых культур длительностью 50–60 лет каждый в XIX–XX веках и зарождение — на рубеже XX–XXI веков — пятого большого цикла... Причем экстремумы (высшие и нижние точки) циклов XIX и XX веков повторяются с полувековой периодичностью...» [17, с. 111]. Верхние экстремумы «больших циклов» были в 1815, 1872, 1913, 1973 гг., а нижние, соответственно, в 1840, 1890, 1947, 1999 гг. Авторы определили следующие временные границы этих циклов:

«Первый большой цикл XIX в. (конец XVIII в. — рубеж 30–40-х годов XIX в.) Повышательная фаза: конец XVIII в. — середина 10-х годов

XIX в. Понижительная фаза: середина 10-х годов — рубеж 30–40-х годов XIX в.

Второй большой цикл XIX в. (рубеж 30–40-х годов — рубеж 80–90-х годов XIX в.). Повышательная фаза: рубеж 40-х годов — начало 70-х годов XIX в. Понижительная фаза: начало 70-х годов — рубеж 80–90-х годов XIX в.

Первый большой цикл XX в. (рубеж 80–90-х годов XIX в. — конец 40-х годов XX в.). Повышательная фаза: рубеж 80–90-х годов XIX в. — середина 10-х годов XX в. Понижительная фаза: середина 10-х годов — конец 40-х годов XX в. Компенсационный рост в период НЭПа: начало 20-х годов — конец 20-х годов XX в.

Второй большой цикл XX в. (конец 40-х годов — конец 90-х годов XX в.). Повышательная фаза: конец 40-х годов — начало 70-х годов XX в. Понижительная фаза: начало 70-х годов XX в. — конец 90-х годов XX в. Компенсационный рост в период перестройки: начало 80-х годов — конец 80-х годов XX в.

Первый большой цикл XXI в. Начало повышательной фазы: рубеж XX и XXI веков» [17, с. 111].

Другой вариант циклического развития сельского хозяйства России за длительный период дал специалист в области экономической географии А.М. Носонов. Исследователь сделал попытку выявить влияние «больших циклов» на развитие аграрного сектора России и СССР в период начала XIX — конца XX века и на реформы в этой сфере [14]. Исследователь считает, что успешность и неуспешность аграрных реформ в России этого периода связаны с фазами «больших циклов конъюнктуры». По его мнению, на успешность реформы 1861 г., реформы А.Н. Столыпина и реформ периода НЭПа повлияло то обстоятельство, что они проводились в период восходящих фаз II и III волн цикла Н.Д. Кондратьева, а провал коллективизации обусловлен тем обстоятельством, что она проводилась во время нисходящей фазы этого «большого цикла конъюнктуры».

По мнению А.М. Носонина, «...подъем сельского хозяйства в послевоенные года (IV волна, восходящая фаза) происходил на базе удачного сочетания интенсивного (в центральных районах) и экстенсивного (освоение целинных и залежных земель) путей развития, а также значительного повышения уровня механизации сельскохозяйственного производства. В результате этого за очень короткие сроки был превышен довоенный уровень сельскохозяйственного производства» [14].

Еще одну концепцию циклических изменений в аграрном секторе разработал Э.Липкович. Основываясь на анализе динамики валового сбора зерновых в России с 1905 г. до (с учетом прогнозирования и экстраполяции) 2040 г., он выделяет два полных цикла длительностью около 50 лет: 1940–1990 и 1990–2040 гг., состоящие из полуциклов по 25 лет [10, с. 17]. Отталкиваясь от теории технологических укладов, исследователь связал изменения агропроизводства с научно-техническим прогрессом в отрасли: «В годы спада производства, особенно в интервалах стагнации после падения отмечается накопление научно-технических разработок... с большей интенсивностью, чем в периоды стационарного изменения производств; можно утверждать, что плотность научно-технических разработок в этих интервалах значительно повышается» [10, с. 17]. Исследователь считает, что «в периоды перехода от окончания ниспадающей ветви (полуцикла) к полуциклу возрастания с учетом времени стагнации в течение 15–25 лет отмечается повышение плотности научно-технических разработок» [10, с. 19]. В этом же периоде наблюдается благоприятная конъюнктура (возрастание потребностей в агропродукции) и разработка радикальных организационных и экономических мероприятий, запускающих механизм подъема агропроизводства.

Таким образом, существует ряд концепций циклического развития сельского хозяйства. Однако эти концепции показывают циклические процессы развития аграрной сферы «изнутри» — прежде всего, через сельскохозяйственное производство. Но, на наш взгляд, возможно рассмотреть сельское хозяйство с точки зрения внешних связей этой отрасли экономики — через его взаимодействие с мировым рынком и другими секторами национальной экономики. Такое рассмотрение могло бы дополнить уже существующие концепции циклического развития сельскохозяйственного производства.

3. Долговременные периоды взаимодействия аграрного сектора и мирового сельскохозяйственного и продовольственного рынка

Долговременные тенденции взаимодействия сельского хозяйства России и мирового продовольственного рынка выявлены путем применения методов клиометрического анализа к процессам изменения внешней торговли страны продовольствием за длительный период.

Рассмотрение процессов взаимодействия национального аграрного сектора и мирового сельскохозяйственного и продовольственного рынка в настоящей работе было проведено путем анализа тенденций изменения натуральных объемов экспорта и импорта Россией, СССР и бывшими союзными республиками ряда ведущих видов сельскохозяйственного сырья и продовольствия за длительный исторический период. Данный анализ охватывает период 1845–2013 гг. Географическими рамками анализа продовольственной внешней торговли являются: в период 1845–1917 гг. — территория Российской империи, 1918–1991 гг. — Советской России и СССР, 1992–2013 гг. — территория стран СНГ, Грузии и республик Прибалтики.

Основным содержанием методики такого анализа является пересчет в условные зерновые единицы экспорта и импорта ряда важнейших видов продовольственной продукции и сельскохозяйственного сырья упомянутых стран в натуральных показателях. На этой основе определяется показатель экспортно-импортного баланса в условных зерновых единицах. Такой условной зерновой единицей является 1 тонна зерна.

Важнейшими видами продовольственной и сельскохозяйственной продукции, пересчитываемой таким образом, являются зерно, мясо и мясопродукты, молоко и молокопродукты. Выбор этих видов продукции был обусловлен тем, что зерно составляло большую часть сельскохозяйственного экспорта Российской империи, СССР и современной Российской Федерации, а также превалировало в сельскохозяйственном импорте СССР и России в 1972–1993 гг. Мясная и молочная продукция составляла основу продовольственного импорта России и многих стран постсоветского пространства после 1993 г.

Условные зерновые единицы были выбраны автором в качестве единого показателя для оценки продовольственных внешнеэкономических связей по следующим причинам:

— использование стоимостных показателей для сравнения продовольственного экспорта и импорта в различные длительные периоды практически невозможно, поскольку пересчет этих показателей по сопоставимым ценам технически очень сложен, и часть информации для этого просто отсутствует. Кроме того, в советской внешнеторговой статистике при оценке стоимости продукции использовался т. н. переводной рубль. Коэффициенты пересчета переводного рубля в реальный рубль

были разными для каждого вида продукции и часто менялись;

— как уже отмечалось выше, зерновая продукция занимала основную часть сельскохозяйственного экспорта России и СССР во все периоды и основную часть импорта в период 1972–1993 гг.;

— зерно является важнейшим кормовым компонентом в производстве мяса и молока.

В связи с этим методически корректен и технически возможен пересчет натуральных показателей экспорта и импорта мясной и молочной продукции в условные зерновые единицы. Подобный пересчет широко использовался в советский период при планировании государственных закупок сельскохозяйственной продукции¹.

Пересчет натуральных объемов мясного и молочного экспорта и импорта в условные зерновые единицы осуществлялся по следующей, модифицированной автором, методике:

$$M_z = \left(\frac{M}{65} \times 100 \right) \times 9,14, \quad (1)$$

где M_z — импорт мясопродуктов в условном зерне, т; M — объем импорта мясопродуктов.

$$M_{лз} = M_{л} \times 1,3, \quad (2)$$

где $M_{лз}$ — импорт молочных продуктов в условном зерне, т; $M_{л}$ — объем импорта молочных продуктов.

Конкретная авторская модификация представленной методики расчета показателей заключалась в следующем: в формулу (1) введен показатель пересчета из убойного веса в живой вес, равный 65 % от живого веса. Этот показатель (65 %) является округленным средним от показателей пересчета из убойного веса в живой вес для говяжьего, свиного мяса и мяса птицы. Показатели пересчета из убойного в живой вес этих видов мяса взяты из работы Ю.И. Чинарова [23, с. 110].

Коэффициенты пересчета продукции в условные зерновые единицы автором взяты для средней полосы России из [15, с. 55].

Изложенная автором методика оценки продовольственной внешней торговли с помощью условных зерновых единиц использовалась в ряде авторских публикаций, посвященных современному состоянию продовольственной внешней торговли Российской Федерации (например, [24; 25; 26] и др.)

¹ Методические рекомендации по планированию государственных закупок сельскохозяйственных продуктов на 1981–1985 гг. — Ростов-на-Дону: Изд-во ВНИИ ПиНХС, 1980. — 79 с.

Источниками статистических данных об экспорте и импорте сельскохозяйственного сырья и продовольствия являлись: Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России, Сельское хозяйство России в XX веке (Сборник статистико-экономических сведений за 1901–1922 гг.), Внешняя торговля СССР. Статистический сборник. 1918–1966 гг., справочно-информационная система FAOSTAT/FAO ООН. Дадим характеристику этим источникам.

Наиболее подробной является подборка статистических данных по продовольственному экспорту и импорту, содержащаяся в справочно-информационной системе FAO ООН — FAOSTAT¹. Применительно к нашему анализу подборка содержит данные о продовольственном и сельскохозяйственном импорте и экспорте СССР за период 1961–1991 гг. и всем бывшим союзным республикам с 1992 по 2013 гг.

Этот источник содержит данные об экспорте и импорте зерна, мяса и мясопродуктов, молока и молокопродуктов в натуральных показателях — как итоговые показатели, так и по видам продукции. Достоинство источника состоит еще и в том, что он содержит полный ряд данных о зерновом импорте СССР за весь указанный период, в то время как в официальной советской статистике данные о натуральных объемах импорта зерна перестали публиковаться со второй половины 70-х годов и были открыты только во второй половине 80-х.

Сравнение данных статистики FAO о зерновом экспорте и импорте с аналогичными данными ВВО «Экспортхлеб» за 1961–1990 гг., опубликованными в 1992 г.², показало, что несмотря на различие в объемах цифр (5–19 % по зерновому экспорту и 3–12 % по зерновому импорту в пользу статистических данных FAO) динамика изменений показателей и в том, и в другом статистическом ряду практически идентична. Различие в цифрах, видимо, обусловлено тем, что статистика FAO более полно, чем данные ВВО «Экспортхлеб», учитывает экспорт — импорт муки и крупы. Сравнение данных FAO об экспорте — импорте молока и мяса с данными официальной внешнеторговой статистики СССР за ряд лет показало их относительную сопоставимость. Таким обра-

зом, данные FAO ООН вполне пригодны для использования.

Данные о продовольственном экспорте — импорте СССР за 1922–1960 гг. взяты из уже упомянутой статистической подборки ВВО «Экспортхлеб» (по зерновой составляющей продовольственных внешнеэкономических связей) и из сборника официальной внешнеторговой статистики «Внешняя торговля СССР. 1918–1966»³, изданного Министерством торговли СССР (по мясной и молочной продукции). Крупным недостатком последнего источника является то обстоятельство, что в нем отсутствуют итоговые данные по экспорту молока и молочной продукции, а дана только статистика по экспорту масла коровьего и молочных консервов. Итоговые данные по импорту молочной продукции в сборнике присутствуют. Имеются также итоговые данные по экспорту и импорту мяса и мясопродуктов.

Статистика по продовольственным внешнеэкономическим связям России в 1901–1921 гг. взята из сборника «Сельское хозяйство России в XX веке. Сборник статистико-экономических сведений за 1901–1922 гг.»⁴, изданного под редакцией Н.Д. Кондратьева и Н.П. Огановского в 1925 г., имеющего раздел по внешней торговле сельскохозяйственной продукцией. Данный источник содержит подробные сведения об экспорте и импорте большинства видов продовольствия и сельскохозяйственного сырья. Авторы составили также экспортно-импортный баланс по большинству видов такой продукции. В источнике имеются сведения о ввозе и вывозе мясной и молочной продукции. В экспорте и импорте зерна была учтена также мука, пересчитанная в зерно.

Источником статистики продовольственного ввоза и вывоза в XIX в. для настоящего исследования является «Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России» под редакцией В.И. Покровского, изданный в 1902 г. департаментом таможенных сборов Министерства финансов Российской империи⁵. Именно этот департамент издавал официальные ежегодные «Обзоры внешней торговли Российской империи», выпускавшиеся с 1802 г. Данный сборник содержит ста-

¹ Crops and livestock products. FAOSTAT. URL: <http://www.fao.org/faostat/en/#data/TP> (дата обращения 17.05.2017 г.).

² Импорт, экспорт и потребление зерна в царской России и СССР до 1990 г. // Внешняя торговля. — 1992. — №2. — С. 16–17.

³ Внешняя торговля СССР: стат. сборник. 1918–1966. — М.: Международные отношения. — 242 с.

⁴ Сельское хозяйство России в XX веке. Сборник статистико-экономических сведений за 1901–1922 гг. — М.: Издательство Наркомзема «Новая деревня», 1925. — 340 с.

⁵ Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России / под ред. В.И. Покровского. — Т. 1. — СПб.: Департамент таможенных сборов, 1902. — 544 с.

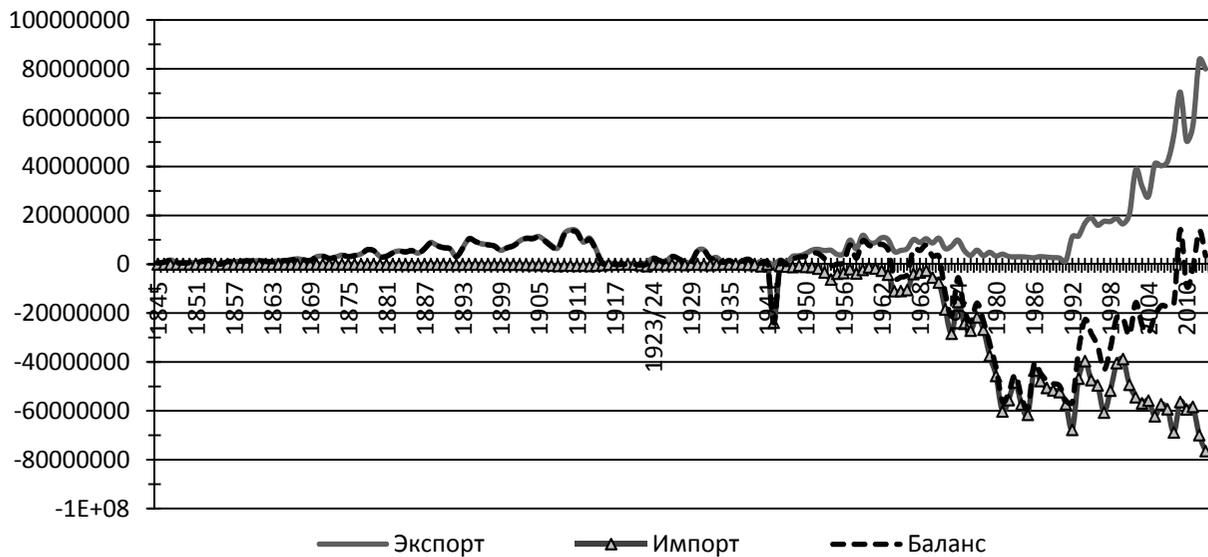

Рис. Экспорт и импорт основных сельскохозяйственных продуктов (зерно, мясо, молоко) в условных зерновых единицах Российской империи, СССР и бывшими союзными республиками в 1845–2013 гг.

тистические ряды по основным товарам российского экспорта и импорта за период 1802–1896 гг., в том числе по ввозу-вывозу основных сельскохозяйственных и продовольственных товаров. (Более подробную характеристику источника см. в [2; 3]). Для наших целей были использованы статистические данные по экспорту — импорту зерновых культур, мучной продукции, мясной и молочной продукции (прежде всего коровьего масла) за 1845–1895 гг.

Кроме того, для заполнения пробела данных за период 1942–1945 гг. была использована статистическая информация о продовольственных поставках по ленд-лизу, содержащаяся в статье М.Н. Супрун «Продовольственные поставки по ленд-лизу в годы второй мировой войны» [19]. Для заполнения пробела 1896–1900 гг. (между данными из статистических сборников Н.Д. Кондратьева и В.И. Покровского) была использована статистика интернет-проекта «Динамика экономического и социального развития России в XIX — начале XX вв.», созданного в 2010–2017 гг. при поддержке РГНФ сотрудниками кафедры исторической информатики исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Раздел этого проекта, посвященный внешней торговле¹, содержит статистические ряды по российскому экспорту — импорту отдельных товаров за 1896–1915 гг., являющиеся продолжением подобной статистики в «Сборнике сведений по истории и статистике внешней торговли России». Часть этих

данных, касавшихся продовольственной внешней торговли, была использована.

Составленная в результате использования вышеописанных статистических источников совокупность данных о зерновом, мясном и молочном экспорте — импорте России, СССР и постсоветских республик в 1845–2013 гг., пересчитанная в условные зерновые единицы, позволила выявить глобальные мегатенденции изменений продовольственной внешней торговли этой территории, длительные изменения места и роли данного региона Евразии на мировом продовольственном рынке.

Мегатенденции изменений продовольственного экспортно-импортного баланса России, СССР и стран постсоветского пространства за период 1845–2013 гг. представлены на графике (рис.). По итогам анализа большой совокупности данных, представленных на графике, можно выделить 3 периода взаимодействия сельского хозяйства России, СССР, бывших союзных республик и мирового продовольственного рынка.

1 период — 1870–1921 гг. — продовольственный экспорт существенно превышает импорт. Основная экспортная культура — зерно. Среднегодовое значение экспортно-импортного баланса — 5896,8 тыс. т условного зерна (табл. 2).

2 период — 1922–1971 гг. — превышение продовольственного экспорта над импортом в существенно меньших объемах, чем в первом периоде. В ряде лет импорт продовольствия превышает импорт. Среднегодовое значение экспортно-импортного баланса — 1865,6 тыс. т условного зерна.

¹ Проект «Динамика экономического и социального развития России в XIX — начале XX вв. Внешняя торговля. Динамические ряды. URL: http://www.hist.msu.ru/Dynamics/Foreign_trade.htm.

Таблица 2

Объемы экспорта — импорта основных продовольственных и сельскохозяйственных продуктов (зерно, мясная и молочная продукция) в условных зерновых единицах России, СССР и бывшими советскими республиками за 1870–2012 гг., т

Показатель	1870–1921 гг.		1922–1971 гг.		1972–2012 гг.	
	Всего	Среднегод.	Всего	Среднегод.	Всего	Среднегод.
Экспорт	314106857	6040516	216538990	4330780	783084764	19099628
Импорт	–7475247	–143755	–123257468	–2465149	–1980840796	–48313190
Баланс	306631610	5896761	93281522	1865631	–1197756032	–29213562

3 период — 1972 — 2012 гг. — существенное и постоянно растущее превышение импорта над продовольственным экспортом. Основная импортная культура до 1992 г. — зерно. С 1993–1994 гг. оно заменяется мясной и молочной продукцией. С 1991 г. отмечается рост зернового экспорта при высоком импорте мясной и молочной продукции. К началу второго десятилетия XXI века общие объемы зернового экспорта бывших союзных республик СССР (включая Россию) начинают превышать объемы продовольственного импорта. Среднегодовое значение экспортно-импортного баланса отрицательное — 29213,6 тыс. т условного зерна (табл. 2).

В настоящее время можно говорить о завершении длительного периода взаимодействия экономики России и стран СНГ с мировым продовольственным рынком, который характеризовался преобладанием продовольственного импорта над экспортом. Об этом свидетельствует тот факт, что в 2009 г. впервые с 1972 г. экспортно-импортный баланс по зерну, мясной и молочной продукции в целом по всем постсоветским республикам, выраженный в условных зерновых единицах, стал положительным. В 2012 г. эта тенденция закрепились.

Если сравнить выделенные периоды с датами начала и конца фаз «больших циклов конъюнктуры» Н.Д. Кондратьева, то нетрудно заметить, что начало каждого из трех периодов взаимодействия России, СССР и постсоветских республик с мировым продовольственным и сельскохозяйственным рынком приходится на нисходящую фазу очередного цикла Н.Д. Кондратьева (соответственно II, III, IV циклы) (см. табл. 1). Начало нового, формирующегося в настоящее время, четвертого этапа взаимодействия аграрного сектора постсоветского пространства с мировым продовольственным рынком также приходится на нисходящую фазу последнего V «большого цикла конъюнктуры».

Взаимосвязь выделенных периодов продовольственной внешней торговли России, СССР и бывших союзных республик с «большими ци-

клами конъюнктуры» Н.Д. Кондратьева просматривается не только в хронологическом, но и в более глубоком, социально-экономическом аспекте.

Характеризуя механизм перехода от восходящей к нисходящей фазе «большого цикла конъюнктуры», Н.Д. Кондратьев писал: «... инвестирование капитала в крупные и дорогие сооружения повышает спрос на капитал. Кривая этого спроса по своему уровню чем дальше, тем более начинает приближаться к уровню кривой накопления и затем превышать последний. Это порождает тенденцию к вздорожанию капитала и к повышению процента на него. В дальнейшем эта тенденция еще более усиливается. ... Тем самым создаются необходимые предпосылки для общего перелома кривой конъюнктуры к понижению.... Прежний темп инвестирования в капитальные сооружения падает. Активность всей хозяйственной жизни сокращается...» [5, с. 393]. Таким образом, характерной чертой нисходящей фазы «большого цикла конъюнктуры» является недостаток капитала. В сельском хозяйстве это проявляется еще более ярко (см. [5, с. 394]). В условиях отсталой экономики, со слабым развитием рыночных отношений, одним из источников получения недостающих средств является расширение экспорта. В аграрной экономике России именно экспорт сельскохозяйственной и продовольственной продукции был таким источником средств.

И, действительно, расширение продовольственного, прежде всего зернового, экспорта способствовало сохранению положительного торгового баланса Российской империи в условиях недостатка внутренних средств. Если в 1871–1875 гг., в начале быстрого расширения зернового и продовольственного экспорта, по данным В.А. Покровского, дефицит торгового баланса Российской империи составлял — 95194 тыс. руб., то в 1876–1880 гг. возник профицит в размере 9537 тыс. руб. В 1881–1885 гг. он составил уже 55617 тыс. руб.¹ Положительное сальдо

¹ Сборник сведений по истории и статистике внешней тор-

внешней торговли Российской империи росло и в дальнейшем. В этой связи, рассматривая некоторые тенденции изменения российского платежного баланса во второй половине XIX — начале XX вв., Г.Г. Попов и Е.И. Чибисова считают, что в случае, если бы российский зерновой экспорт остался на уровне первой половины XIX в., то у страны был бы отрицательный платежный баланс (см. [16, с.97]).

Так обстояло дело в первом периоде развития продовольственной внешней торговли России.

В начале второго периода Россия также нуждалась в средствах для восстановления экономики после военных и социальных потрясений 1914–1920 гг. Продовольственный экспорт также рассматривался как источник средств для этого. По данным М.Р. Доэна, центральными партийными и хозяйственными органами планировался рост доходов от экспорта зерновых с 41 млн руб. в 1927/28 г. до 440 млн руб. в 1932/33 г., т. е. более чем в 10 раз. В натуральном выражении экспорт зерновой продукции должен был увеличиться с 0,41 до 6,50 млн т за соответствующий период [28, с. 562]. В реальности выручка от экспорта этой продукции в 1932/33 г. составила только 57 млн руб. в текущих ценах (177,5 млн руб. в ценах 1927/28 г.). Вывезено было 1,84 млн т зерна (рассчитано по [28, с. 562]). Таким образом, из планов существенного форсирования зернового экспорта и значительного увеличения объема средств, получаемых от такого вывоза, ничего не вышло. Связано это с общим падением сельскохозяйственного производства в результате свертывания НЭПа, осуществления политики коллективизации и с падением цен на зерно в результате начавшейся в 1929 г. Великой депрессии (цены на советское экспортное зерно в 1933 г. составили 29 % от уровня 1927/28 г. [28, с. 562]).

Третий период продовольственной внешней торговли России и СССР имел свою специфику — в отличие от предшествующих периодов в продовольственных внешнеэкономических связях преобладал импорт этой продукции. В индустриальной экономике СССР начала 70-х годов XX века аграрный экспорт уже не мог быть существенным источником капитала по ряду причин — существенного увеличения объемов внутреннего потребления продовольствия вследствие роста городского населения, занятого в промышленном секторе; слабости отечественного аграрного производства; по-

тери Советским Союзом продовольственных рынков развитых стран и др. Источником средств с начала 70-х гг. стал другой сегмент внешней торговли — экспорт энергоносителей. По данным экономистов того периода, с 1970 по 1985 г. экспорт топлива и электроэнергии в стоимостном выражении увеличился в 21 раз — с 1,8 млрд руб. до 38,3 млрд руб., а в натуральном — почти в 2 раза: с 67 до 117 млн т [21, с. 73]. Как писал И.П. Фаминский: «Столь резкое увеличение валютных поступлений от экспорта энергоносителей стало возможным благодаря стремительному росту мировых цен на них...» [21, с. 73].

Значительная часть валютных поступлений от экспорта энергоносителей шла на закупку зерна и продовольствия — по оценке исследователей, от 20 % (В.Б. Спандарьян, Н.П. Шмелев) [18, с. 137] до 50 % (В.Ю. Катасонов) [4, с. 31].

В итоге объем импорта зерна вырос с 15,5 млн т в 1972 г. до 45,6 млн т в 1984 г., составив в этом году 28,6 % валового сбора этой продукции¹. Импорт зерна носил во многом кормовой характер. В середине 80-х годов более половины зернового импорта составляли кормовые культуры — кукуруза, овес и часть пшеницы. Таким образом, в условиях плановой административно-командной экономики СССР того периода импорт зерновой продукции носил характер своеобразного немонетарного стимулирования сельскохозяйственного производства — особенно мясного и молочного животноводства. Сложно оценить эффективность подобного стимулирования, однако в 70–80-е годы наблюдался рост животноводческой отрасли. В 1972–1990 гг. только в России производство мяса выросло с 7 до 10,1 млн т, а молока — с 44,3 до 55,7 млн т [22, с. 721]. Тем не менее, по нашему мнению, такое импортное стимулирование сельхозпроизводства имело скорее негативный характер, поскольку маскировало неэффективность существовавшей тогда модели советского сельского хозяйства и позволяло не заниматься его реформированием и повышением эффективности сельхозпроизводства. Негативный характер этого стимулирования в полной мере проявился в 90-е годы, когда от импортных закупок зерна отказались и перешли на ввоз из-за рубежа в больших объемах готовой мясной и молочной продукции, а отечественный аграрный сектор оказался в глубоком кризисе.

говли России / под ред. В.И. Покровского. — Т. 1. — СПб.: Департамент таможенных сборов, 1902. — С. XXXIV.

¹ Импорт, экспорт и потребление зерна в царской России и СССР до 1990 г. // Внешняя торговля. — 1992. — № 2. — С. 17.

Таким образом, по нашему мнению, взаимосвязь начальных этапов выделенных периодов развития продовольственной внешней торговли с началом нисходящей фазы очередного «большого цикла конъюнктуры» Н.Д. Кондратьева в социально-экономическом аспекте проявляется в том, что в условиях характерной для этой фазы (по мнению Кондратьева) нехватки собственных капиталов в экономиках со слабым развитием рыночных отношений недостающие средства получают за счет доходов от экспорта сырья. В условиях России доиндустриального периода это был продовольственный экспорт, а в 70–80-х годах импорт сельскохозяйственного сырья был формой немонетарного стимулирования сельскохозяйственного производства в условиях нерыночной административно-командной экономики индустриального типа.

В целом, рассмотрение внешних связей аграрного сектора России с мировым продовольственным рынком, проведенное нами с использованием парадигмы цикличности, позволило выявить длительные периоды взаимо-

действия аграрного сектора государств постсоветского пространства с мировым продовольственным рынком, протяженностью 40–50 лет, предположительно связанные с «большими циклами конъюнктуры» Н.Д. Кондратьева. За хронологический отрезок 1845–2013 гг. было выделено три таких периода с различным соотношением продовольственного экспорта и импорта.

Сделан также вывод о начале формирования в настоящее время нового 40–50-летнего периода такого взаимодействия. Этот период, скорее всего, будет характеризоваться преобладанием продовольственного экспорта над продовольственным и сельскохозяйственным импортом.

Выявление этих периодов дает возможность прогнозировать дальнейшее развитие продовольственной внешней торговли России и других государств постсоветского пространства, что является значимым и актуальным в плане разработки современной аграрной политики на федеральном и региональном уровнях.

Список источников

1. *Арриги Дж.* Долгий двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени. — М.: Территория будущего, 2006. — 472 с.
2. *Валетов Т.Я.* Динамика экономического и социального развития России в XIX — начале XX вв. Внешняя торговля. Вступительная статья [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/Dynamics/10text.htm> (дата обращения 18.09.2017).
3. *Валетов Т.Я.* Проект «Статистика внешней торговли Российской империи»: характеристика источника и цифрового ресурса // Историческая информатика. — 2017. — № 1. — С. 5–14.
4. *Катасонов В.Ю.* Великая держава или экологическая колония. — М.: Молодая гвардия, 1991. — 224 с.
5. *Кондратьев Н.Д.* Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. — М.: Экономика, 2002. — 767 с.
6. *Кондратьев Н.Д.* Избранные сочинения. — М.: Экономика, 1993. — 545 с.
7. *Кондратьев Н.Д.* Мировой хлебный рынок и перспективы нашего хлебного экспорта // Кондратьев Н. Д. Особое мнение. Избранные произведения в 2-х книгах. — М.: Наука, 1993. — Кн. 1. — 655 с.
8. *Кортаев А.В., Гринин Л.Е.* Кондратьевские волны в мир-системной перспективе // Кондратьевские волны. Аспекты и перспективы. — Волгоград: Учитель, 2012. — 384 с. — С. 58–109.
9. *Кузьменко В.П.* Система экономических циклов и глобальный финансовый кризис // Кондратьевские волны. Аспекты и перспективы. — Волгоград: Учитель, 2012. — С. 156–178.
10. *Липкович Э.* Инновационное восстановление сельхозпроизводства и сверхкрупные агросистемы // Экономика сельского хозяйства России. — 2007. — № 4. — С. 17–23.
11. *Маевский В.И.* Введение в эволюционную макроэкономику. — М.: Япония сегодня, 1997. — 106 с.
12. *Меньшиков С.М., Клименко Л.А.* Длинные волны в экономике. Когда общество меняет кожу. — М.: Международные отношения, 1989. — 272 с.
13. *Михайловский В.Г.* Урожай ржи в России 1801–1914 гг. // Бюллетень ЦСУ РСФСР. — 1921. — № 50. — С. 2–4.
14. *Носонов А.М.* Теории цикличности в экономике и экономической географии // Актуальные проблемы географии и геоэкологии. — 2011. — Вып. 1(9) [Электронный ресурс]. URL: <http://geoeko.mrsu.ru/2011-1/PDF/Nosonov.pdf> (дата обращения 24.12.2013).
15. Планирование государственных закупок сельскохозяйственной продукции и дифференцирование их по районам Свердловской области на период до 1990 года: научный отчет. — Свердловск: УНЦ Институт экономики АН СССР, Институт «Уралгипрозем», 1977.
16. *Попов Г.Г., Чибисова Е.И.* Внешняя торговля и хлебные цены в Российской империи // Terra Economicus. — 2016. — № 3. — С. 87–100.
17. *Растяжников В.Г., Дерюгина И.В.* Урожайность хлебов в России. 1795–2007. — М.: ИВ РАН, 2009. — 192 с.

18. *Спандарьян В. Б., Шмелев Н. П.* Внешнеэкономические связи — на службу перестройке // *Мировое хозяйство и советская экономика: шансы и иллюзии.* — М.: Международные отношения, 1990. — С. 133–159.
19. *Суррун М. Н.* Продовольственные поставки по ленд-лизу в годы второй мировой войны // *Отечественная история.* — 1996. — № 2. — С. 46–54.
20. *Трубицын Ю. И., Потапов А. П.* Ресурсный потенциал товарного производства зерна в России и регионах: методологические основы, состояние, прогноз и альтернативные сценарии. — Саратов: ИАГП РАН, 2005. — 39 с.
21. *Фаминский И. П.* СССР в мировом хозяйстве: на пути к открытой экономике // *Мировое хозяйство и советская экономика: шансы и иллюзии.* — М.: Международные отношения, 1990. — С. 64–80.
22. *Федоренко Н. П.* Россия на рубеже веков. — М.: Экономика, 2003. — 727 с.
23. *Чинаров Ю. И.* Оптимизация отраслевой структуры животноводства России: дис. ... д-ра с. х. наук: 06.02.04, 08.00.05 — п. Дубровицы, Моск. обл.: РГБ, 2006.
24. *Чистяков Ю. Ф.* Долговременные тенденции развития зернового экспорта России // *Аграрный вестник Урала.* — 2014. — № 12. — С. 102–108.
25. *Чистяков Ю. Ф.* Россия на мировом продовольственном рынке: прошлое и настоящее. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2013. — 215 с.
26. *Чистяков Ю. Ф.* Эволюция продовольственного импорта России и вступление страны в ВТО // *Аграрный вестник Урала.* — 2013. — № 12. — С. 102–106.
27. *Aftalion A.* Les crises periodques de surproduction. — P., 1913.
28. *Dohan M. R.* Soviet foreign trade in the NEP economy and soviet industrialization strategy. — Massachusetts: MIT, 1969.
29. *Forrester J. W.* New Perspectives on Economic Growth. Alternatives to Growth — A Search for Sustainable Futures / Ed. by D. L. Meadows. — Cambridge, MA: Ballinger, 1977. — P. 107–121.
30. *Jevons W. S.* Investigation in Currency and Finance. — L., 1882.
31. *Jevons W. S.* On the Study of Periodic Commercial Fluctuations, with five Diagrams // *Economic Science and Statistics Section of the British Association at Cambridge.* — Cambridge, 1862.
32. *Juglar C.* Des crises commerciales et de leur retour periodique en France, en Angleterre et aux Etats-Unis. Paris: Guillaumin, 1862 [Electronic resource]. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k1060720> (дата обращения 18.05.2017).
33. *Kitchin J.* Cycles and Trends in Economic Factors // *Review of Economics and Statistics.* — 1923, Jan. — Vol. 5, No. 1. — P. 10–16.
34. *Kuznets S.* Secular Movements in Production and Prices. Their Nature and their Bearing upon Cyclical Fluctuations. — Boston: Houghton Mifflin, 1930.
35. *Layton W.* An introduction to the study of prices. With special reference to the history of the nineteenth century. — L., 1922.
36. *Lescure J.* Les hauses et baisses generals des prix // *Révue d'économie politique.* — 1912. — No. 4.
37. *Moore H. L.* Generating economic cycles. — N.Y., 1923. — Part III-V.
38. *Spiethoff A.* Kriesen // *Handwörterbuch der Staatswissenschaften.* — Bd. 6.4 Aufl. — Jena, 1925. — S. 8–91.